ВЕЧНЫЙ ГВАРДИИ СЕРЖАНТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Родился Михаил Семенович Федотов 22 ноября 1923 года в поселке Прудки Шаблыкинского района. У матери с отцом их было 12 детей — да время тяжелое, выжили лишь пятеро братьев. После десятилетки очень хотел продолжать учебу, поступил в железнодорожный техникум в Орле. Нужда заставила учебу бросить — поехал на заработки в донецкие шахты, в г. Сталино: работал машинистом, водил вагонетки с грузом из шахты. Еще в начале 1941 года — все тогда жили в ожидании войны («если завтра война...») — подал заявление в райвоенкомат о желании поступить в военное училище. И в июне стал курсантом Харьковского училища. Но поучиться ему и в этот раз не удалось: он был в летних лагерях под Мариуполем, когда пришла весть о войне. Многие курсанты тогда загорелись желанием сражаться. И наш семнадцатилетний Михаил — тоже.

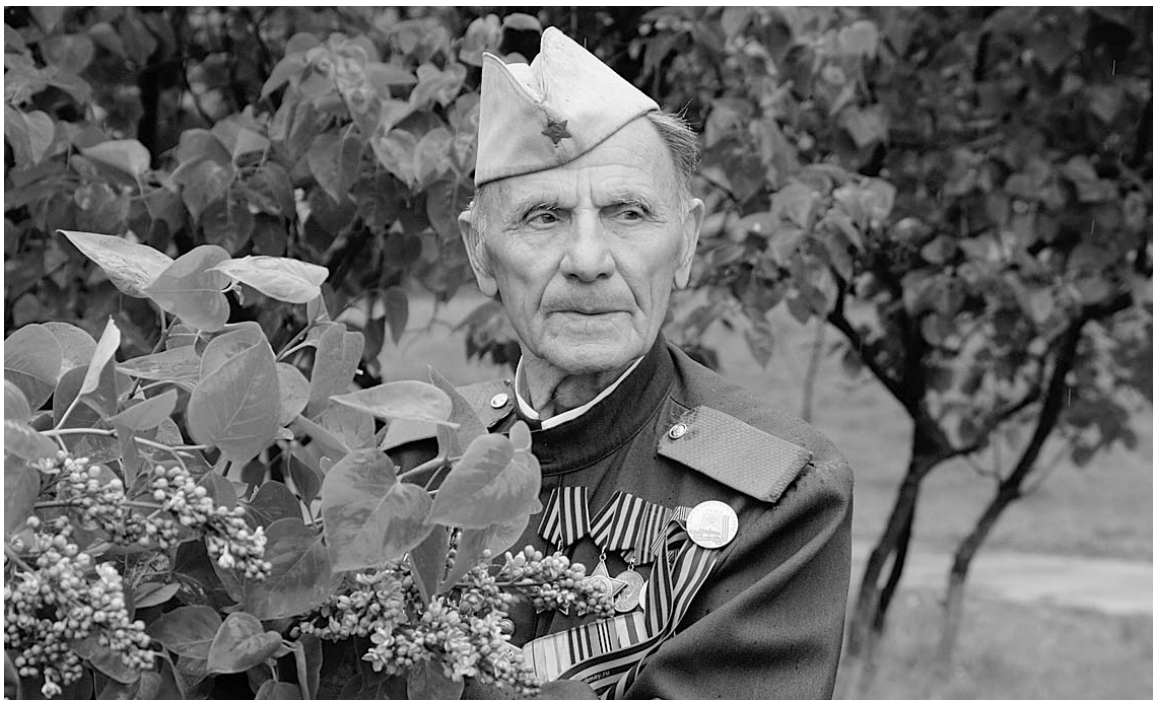
— Не пишите: «забрали на фронт»... — заглянув в мои записи в блокноте, поправляет Михаил Семенович. — Ненавижу слово «забрали», мне как патриоту оно неприятно. Что значит «забрали»? Я сам пошел, добровольцем!

Добровольцем в составе маршевой роты прибыл он к месту первого своего сражения, к Днепру — немцы пытались форсировать реку, и было там «жарко». В этом сражении на Днепре его сильно ранило в ногу.

После госпиталя направили на ускоренные курсы в школу радиоспециалистов в городе Шадринске (за Уралом), и уже в начале марта 1942 года сержант Миша Федотов прибыл командиром отделения в г. Горький в школу радиоспециалистов, где готовили стрелков-радистов для авиации, танковых войск. Но рвался на фронт. И вот их, троих специалистов по ремонту радиостанций, направили в 64-ю отдельную танковую бригаду, которую формировали в Горьком. В этот же день эшелоном — на Юго-Западный фронт. Майское наступление 1942 года измотало бригаду — то наступали, то отходили. Бригада то и дело требовала пополнения. Под городом Красный Луч Ворошиловоградской области Михаила контузило (последствия этой контузии сказываются до сих пор — ветерану приходится пользоваться слуховым аппаратом). После госпиталя — опять на фронт. На Сталинград.

— Никогда не забуду этого зрелища, когда впервые увидел Сталинград при восходе солнца: после бомбежек над городом стояла стеной пыль, так что солнце стало видно только в полдень. В этой непроницаемой пыли и мгле плавно опускались осветительные ракеты — их сбрасывали с самолетов на парашютах, чтобы можно было рассмотреть передислокацию войск. Моросил дождь. Но было приказано прикопать технику (танки, ну а мы прятали свою радиостанцию на колесах) и сверху укрыть маскировочной сеткой, чтобы самолеты не заметили. Авиация не заставила себя долго ждать...

— Страшно было на войне? — спрашиваю, рассчитывая услышать утвердительный ответ, ведь про Сталинград столько ужасов рассказано.



Но Михаил Семенович, нисколько не рисуясь, просто задумчиво и как-то грустно покачал головой и сказал:

— Как на работе — привыкаешь.

«Не дай Бог нам такую привычку — воевать», — подумала я.

— Были, конечно, моменты, — продолжал Семеныч, — когда жуть брала... Помню, наступала наша танковая бригада под станцией Котлубань. Командир Иван Иванович Красных — на наблюдательном пункте. Бой страшный, и радиста Пашку Кудрявцева убило в голову (я был механиком радиостанции), а по рации требуют: «Доложите обстановку!» А кто ее доложит, не я же, механик? Вот я бегом на эту высотку, к командиру. Бегу, кругом — ад кромешный: мины рвутся рядом, деревья валятся, я по окопам скачу, не знаю, как живой и невредимый остался... Прибегаю, а Иваныч на меня матом: такой-сякой, зачем ты сюда бежал, ты немцам мог выдать местоположение командного пункта! Какая, к чертям, «обстановка»! И я назад, в этот ад... Вернулся, доложил: «Обстановка нормальная, так, мол, и так...».

Третья гвардейская танковая армия (под командованием генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко), в составе которой была танковая бригада, где воевал Михаил, участвовала в освобождении Орла. Правда, их танки в город не входили. «В городских боях танки применять — глупость» — так вроде сказал сам Сталин, когда обсуждали подключение танковой армии к освобождению Орла. А вот наступление, в результате которого был освобожден наш город, армия ускорила. Для этого танковую армию, стоявшую временно под Тулой (в районе Плавска) в резерве ставки, бросили на Орел. 19 июля, рассказывает ветеран, прошли с боями 20 километров, еще день-другой, и вышли к Оке, к Отраде. Оттуда, обойдя Орел, на юг через Золотарево, Становой Колодезь — перерезали дороги на Орел.

В 1944-м в боях с окруженной группировкой под Хмельницким (известная Проскуровская операция) Михаил опять был ранен в ногу двумя осколками — теперь уже в другую, левую. Генерал-лейтенант Сухов, командовавший корпусом, «пошутил»: «Ну вот, теперь ни одной ноге не будет обидно». На танк уложили, прямо на броню, вывезли на артиллерийские позиции, там медсанбат. А летом уже на Львов наступал со своими...

На Запад шли стремительно. В Берлине были 2 мая. На Луизе-Плац-Виктории отпраздновали, распив целую бочку рома. Думали, все: раз Берлин взяли, войне конец. Но нет, оттуда 3-я гвардейская была направлена на Прагу. О капитуляции Германии узнали, когда наступали на Прагу. Помнит Михаил Семенович, как в эту ночь — с 8 на 9 мая — палили они из всех видов орудий в воздух — салютовали Победе.

Но война тем не менее продолжалась. Крупные группировки еще не сдавались. Так, корпус, в котором воевал Михаил Федотов, участвовал в боях с немецкой группировкой, в составе которой было 900 тысяч солдат, в том числе и армия Власова, они пробивались к союзникам, к американцам.

— Были ведь и среди красноармейцев такие, что стремились перейти к американцам, — говорит Михаил Семенович. — По разным причинам они были против советской власти. Многие так и остались в Америке и в других странах после войны.

Власова взяли в Праге 12 мая и с аэродрома отправили самолетом в сопровождении шести истребителей в Москву...

— Разные были люди на войне, — вздыхает Михаил Семенович. — Как и в мирное время, кто-то думает о родине, а кто-то только о себе. Вот я помню эпизод: было это на границе Польши с Германией, в городке Ченстохове. Взяли город, дай, думаю, выйду посмотрю, что тут да как. Гляжу под ноги, монеты валяются на земле, крупные — по пять рейхсмарок, одна, другая, третья, целый ручеек, который привел меня к убитому солдату. Лежит навзничь, руки раскинул, за спиной тяжелый вещмешок, монетами этими забитый. Я стоял и думал: ну и зачем тебе теперь эти деньги, когда жизнь потерял, и, может быть, даже из-за них?

Ребята из нашего танкового корпуса за добром не гонялись. Ну, может, если на спиртное только где наткнутся. Вот, помню, смешной случай вышел. Отбили мы обоз немецкий с продовольствием. А снабжение у них было получше нашего, особенно у офицеров. Вот и в обозе этом, смотрим, коньяк. Толик Носов, приятель мой, достал бутылку, хлебнул — крепкий! Показывает мне знаками: глянь, мол, там, в своем ящике, может, есть чем запить? Я руку опустил — бутылка, ему кинул. Он запил. А тут на «виллисе» наш комбриг подкатывает генерал-лейтенант Сухов, обращается к Толику с каким-то вопросом, а тот только рот открыл, а оттуда... пузыри мыльные, как, ей-богу, из детской этой игрушки. Это он шампунем «Шварцкопф» запил коньяк! Вот мы смеялись потом! Вот так. Всякое на войне, как и в жизни, бывает: и страшное, и смешное.

После Праги дали Михаилу отпуск домой. В родной шаблыкинской деревне его поразил полный разгром: ни одной хаты, ни сарая даже, погреба́ и те взорвали. Жили люди в убогих землянках. Отец с фронта вернулся в 1944-м инвалидом. Двое младшеньких братьев — с родителями. (Два старших брата — Иван и Андрей — были еще в армии.) После отпуска — опять в Германию, в составе оккупационных войск он пробыл там еще два года.

В марте 1947 года вернулся на родину, в своем колхозе стал председателем. Женился на девушке из соседнего села — Матрене Куликовой, она тоже воевала, с 1941-го — фельдшером, дошла до Риги. Заведовала Матрена Ивановна в Хотьковском колхозе медпунктом, а он был председателем.

Так бы в родном селе, может быть, и закончили жизнь. Но случилась у Михаила Семеновича тяжелая болезнь, и председательство свое он оставил на время долгого лечения. А потом стал... журналистом: в сельхозотделе шаблыкинской районки проработал 12 лет. Потом, после объединения районов (Шаблыкинский, Хотынецкий, Сосковский, Урицкий), переехали в Нарышкино. Здесь работал в Урицком колхозно-совхозном управлении старшим агрономом по кадрам. К слову, в это время наш губернатор трудился агрономом в хотынецком колхозе и в определенном смысле был его подопечным.

Ближе к пенсии вернулся к журналистской работе. Сначала работал на урицком радио, потом — ответственным секретарем в урицкой районке — до самой пенсии, до 1983 года. Вот такую большую — боевую и трудовую — жизнь прожил наш ветеран.

Женой они прошли вместе больше полвека (Матрена Ивановна умерла в 2000 году). Детей воспитали хороших. Дочка Нина Михайловна Кузнецова работает в Орле в институте усовершенствования учителей, двое сынов у нее, Сергей и Миша (названы в честь дедов). Сергей — предприниматель, Михаил — врач, кандидат медицинских наук, работает в больнице им. Семашко. Сын Анатолий работал в авиации в Белоруссии, сейчас пенсионер, вернулся в Орел, у него тоже двое детей. Есть у Михаила Семеновича уже и правнучка.

9 мая Михаил Семенович обязательно каждый год участвует в возложении цветов к легендарному танку у сквера Танкистов. Обязательно в своей пилотке, в гимнастерке с сержантскими погонами — в эти праздничные дни он с ней не расстается, вечный гвардии сержант.

Татьяна ПАВЛОВА.